
pocket**book**

rocket**book**

РОБЕРТ ГУЛРИК

Верная жена

ЭКСМО
МОСКВА

2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 94

Robert Goolrick
A RELIABLE WIFE

First published in the United States under the title:
A Reliable Wife. © 2009 by Robert Goolrick.
Published by arrangement with Algonquin Books
of Chapel Hill, a division of Workman Publishing
Company, Inc, New York

Разработка серии А. Саукова

Гулрик Р.
Г 94 Верная жена / Роберт Гулрик ; [пер. с англ.
Н. Омелянович]. — М. : Эксмо, 2013. — 320 с.

ISBN 978-5-699-64982-2

Он поместил в чикагской газете объявление: «Ищу верную жену». Она откликнулась, назвав себя в письме «простой честной женщиной». Вот только она не была ни простой, ни честной и у нее имелись вполне определенные — и довольно жестокие — планы относительно новоиспеченного мужа. Чего не учла Кэтрин Лэнд, так это того, что у одинокого и загадочного Ральфа Труитта тоже есть свой собственный план.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-64982-2

© Омелянович Н., перевод на
русский язык, 2013
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

*С вечной любовью и благодарностью
посвящаю Джин Вольц,
которая относилась ко мне лучше,
чем я к самому себе,
а также моим дорогим брату и сестре,
Би и Линдли*

*Не унывай! Дружба приведет нас к свободе.
Те, кто любит друг друга, будут неодолимы.*

Уолт Уитмен.

Над бойней вознесся пророческий голос

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Висконсин *Осень 1907 года*

Глава 1

Стоял пронизывающий холод, воздух был полон тем, что еще не случилось. За секунду до четырех часов мир замер. Никто не шевелился — ни человек, ни птица. На долю мгновения наступила тишина и полная неподвижность. Застывшие люди на застывшей земле — мужчины, женщины, дети.

Если б вы там были, то ничего не заметили бы, не ощутили бы оцепенения. Но если вдруг непостижимым образом обратили бы внимание на ту неподвижность, мысленно сняли бы ее на фотографическую пленку, а потом посмотрели на негатив, то решили бы, что в этот момент все и началось. Стрелки щелкнули. Часы пробили. Все снова пришло в движение. Поезд опаздывал.

Стихия вот-вот должна была разыгаться. Чувствовалось, что будет метель. Утоптаный снег, лежащий повсюду, уходил к темному горизонту; глазу не за что было уцепиться. Из-под снега торчала стерня, острая как бритва. Вороны клевали пустоту. Река чернела, точно замерзшая нефть.

«Кто сказал, что ад — непременно огонь? — подумал Ральф Труит, стоя посреди толпы на платформе крошечной железнодорожной станции, в сердцевине замороженного пространства. — Что, если ад как раз такой? С каждым мгновением он темнеет, и от холода кожа сходит пластами».

Труит ощущал страшное одиночество. Всю жизнь он словно находился в огромной ледяной глыбе, отовсюду к нему тянулись жадные руки, каждое сердце чего-то от него хотело. Труиту казалось, что у всех есть причина для существования и свое предназначение на земле. У всех, кроме него. У него не было ничего. В промозглом и жестоком мире для него не нашлось места.

Он взглянул на свои серебряные часы: да, поезд задерживается. А он рассчитывал, что поезд сегодня придет вовремя. Минута в минуту. Он заказал себе пунктуальность, как другой в ресторане спрашивает стейк по своему вкусу. Все молча смотрели на Ральфа. Должно быть, знали. И он стоял перед всеми как дурак. Да он и в самом деле дурак. Даже такая мелочь ему не удалась. Растаяла последняя искорка надежды.

Ральф был человеком, привыкшим получать желаемое. После того как двадцать лет назад на него свалились страшные потери — жена, дети, крушение планов и мечтаний, — в качестве щита против ужасов жизни он придумал цель: исполнять поставленные перед собой задачи. И это помогло. Он был непреклонен. Горожане его за это

уважали и даже побаивались. Ну а теперь поезд опаздывал.

Люди мерили шагами платформу, делали вид, будто ничего не происходит, будто сюда они явились не затем, чтобы поглазеть на Труита, ожидающего поезда. Шутили, смеялись. Тихо разговаривали из сочувствия к промашке Ральфа. Поезда не было. В воздухе ощущалось приближение снега, приближение метели. Случается весной такой день, когда все женщины города, словно после секретного сигнала, выходят на улицу в летних платьях, уловив приближение жары. Вот так же и осенью: в какой-то день из-за угла с острым ножом выскакивает зима, готовясь нанести удар. В этом сезоне таким днем стало 17 октября 1907 года. Четыре часа дня, а уже темнеет.

Все без исключения одним глазом следили за погодой, а другим — за Ральфом. Ожидали и переглядывались всякий раз, как Ральф вытаскивал серебряные часы. Поезд опаздывал.

«Так ему и надо», — злорадствовали окружающие, по большей части мужчины. У некоторых — в основном у женщин — в голове бродили более добрые мысли. «Может быть, — думали они, — после всех этих лет...»

Ральф понимал, что его обсуждают, и представлял, какие чувства он вызывает. Сложные чувства. Он проходил мимо людей, вежливо приподнимая шляпу. Ему тяжело давалась эта вынужденная любезность. Он угадывал настроение по глазам. Каждый день своей жизни он видел

это: уважительное обращение, а за спиной смешки, относящиеся к его прошлому. Иногда это были поддерживающие слова, произнесенные шепотом, ведь в Ральфе было что-то, даже сейчас, способное тронуть сопереживающее сердце.

Он считал, что главное — не сдаваться. Не горбить озябшие плечи, не притопывать ногами, не дуть на замерзшие ладони. Не расслабляться на холоде, принять его как неизбежность, смириться с тем, что он останется надолго. Приветствовать его, как приветствуют теплый весенний ветерок. Главное — слиться с ним, стать его частью, а не закончить этот день в ознобе с окоченевшими и красными руками.

Размышлял он о том, что от некоторых вещей можно отстраниться, а от большей части — нельзя, во всяком случае, от мороза. Нельзя отстраниться от плохих событий, которые с тобой происходят. От потери любви. От разочарования. От трагедии, бьющей наотмашь.

Ральф стоял с видом уверенного в себе человека. Грудь вперед, плечи расправлены. Ему и дела нет до погоды, до сплетен. Он смотрел на рельсы, уходящие вдаль. Надеялся и сам удивлялся, что надеется, дивился тому, что выглядит неплохо — не слишком стар, не глуп и не беспощаден. Ральф мечтал о снеге, что скроет его душевные терзания и безнадежное одиночество.

Он пытался быть хорошим человеком, хотя плохим никогда не был. После первых желаний

и потерь он отучился хотеть. Однако сейчас ему чего-то хотелось, и это пугало и сердило его.

Перед выходом из дома Ральф оделся, застегнул пуговицу на воротнике рубашки, поправил узел галстука. Все это он проделывал каждое утро — тщательно, как и полагается аккуратному человеку. Но затем он заметил в одном из зеркал свое отражение. Зрелище его ужаснуло. Он вдруг увидел, что сделали с ним горе и высокомерие. Долгие годы прошли в ненависти, гнев и сожалениях.

Глядя на тревожную надежду на своем лице, он понял: на всех фазах своего глупого предприятия он не верил, что этот момент настанет, а ему будет трудно его перенести. Но именно так и произошло, судя по выражению лица в зеркале. Он не мог перенести болезненного возвращения к жизни. Все эти годы он справлялся со смертью и ужасным стыдом. Шел вперед вопреки всему. Ежедневно просыпался, ехал в город, ел, вел отцовский бизнес и неотвратимо оказывал влияние на жизни людей, как бы ни старался этого избежать. Он привык к тому, что его лицо посылает сигнал: все хорошо, все нормально, все в порядке.

Сегодня утром в зеркале Ральф увидел, что в дураках остался именно он. Подобное открытие задело его.

Эти люди, их часто болеющие дети... Мужья и жены, не любившие друг друга или любившие, — Ральфа терзала их сексуальная жизнь, скрытая под одеждой. Похоть людей. Контакты

и прикосновения. Их дети умирали, иногда все сразу. За месяц. От дифтерии, тифа или гриппа. Мужчины и женщины за ночь сходили с ума, по неизвестной причине устраивали пожар в своем доме или же расстреливали родственников, даже собственных детей. Публично оголялись, мочились на улицах, испражнялись в церквях. Забивали здоровых животных, сжигали их в хлеву. Об этом каждую неделю писали газеты. Каждый день происходила новая трагедия, новое необъяснимое сумасшествие.

Они поливали свою одежду керосином, слишком близко становились к огню и вспыхивали как свечки. Пили отраву. Подмешивали яд друг другу. Рождали дочерей от собственных дочерей. Ложились спать психически здоровыми, а просыпались безумцами. Сбегали. Вешались. Такое случалось.

Ральф полагал, что его лицо и тело нейтральны, но на самом деле с сочувствием относился к людям и их горестям. Ложась спать, он старался выкинуть мрачные мысли из головы, однако сегодня утром понял, что прошлое наложило на него отпечаток.

Серая кожа, безжизненные волосы, и их меньше, чем он помнил. Углы губ и глаз опустились. На лице страдальческое выражение. Голова откинута назад, поскольку люди часто подходили слишком близко и разговаривали слишком громко. Все это стало заметно. Все видели это. Оказы-

вается, он ничего от них не скрыл. Каким же он был идиотом!

А когда-то он увлекался на каждом шагу. Несся за очаровательной лентой на шляпке. Легкая походка, задевший его подол юбки, рука в перчатке, согнавшая муху с веснушчатого носа, — этого было достаточно, этого хватало, чтобы сердце учащенно забилося. Он радостно семенил следом с чувством трепетного ожидания. Он так сильно влюблялся, что болело все тело. Однако сейчас он утратил эту способность и, взглянув в зеркало, с ревностью вспомнил себя молодого.

Вспомнил, как впервые увидел обнаженную руку взрослой женщины, как впервые женщина распустила для него волосы. И они заструились потрясающим каскадом с запахом лавандового мыла. Он помнил каждый предмет мебели в комнате. Свой первый поцелуй. Как он это любил! Это было для него всем. Желания тела были главными в его жизни.

С безнадежностью можно смириться, пока ты сам небезнадежен. Ральфу исполнилось пятьдесят четыре, и отчаяние накрыло его как инфекция, он даже не успел этого осознать. Он не заметил того момента, когда надежда испарилась из его сердца.

Горожане почтительно ему кланялись.

— Добрый вечер, мистер Труит.

Они не могли удержаться и добавляли:

— Поезд немного запаздывает, мистер Труит?

Ему хотелось их ударить, крикнуть, чтобы